

A painting of a man with a full brown beard and mustache, looking slightly to the left. He is wearing a dark blue coat over a white shirt and a dark bow tie. The background shows a rugged, mountainous landscape with a cloudy sky. The painting has a textured, almost impasto quality.

Сергей Котов

**Так говорил
Освободитель. Третий
Завет, или Евангелие
соборного действия
(интерпретация в духе
«Так говорил
Заратустра»)**

Сергей Котов
Так говорил Освободитель.
Третий Завет, или Евангелие
соборного действия
(интерпретация в духе
«Так говорил Заратустра»)

<https://litres.ru/73992758>

SelfPub; 2026

Аннотация

Поэма «Так говорил Освободитель», созданная в стилистике «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше, представляет собой дерзкий идейный гибрид. Автор берёт ницшеанскую форму – афористичность, притчевость, пафос «сверхчеловека» и «воли к власти», – но наполняет её прямо противоположным содержанием: не индивидуалистическим преодолением морали рабов, а коллективистским освобождением от капиталистической эксплуатации.

Стилизация выполнена с высоким мастерством: узнаваемы библейские интонации («О братья мои»), образы солнца, бездны, пляски, презрение к «последнему человеку», а также любимые ницшеанские приёмы – парадокс, насмешка над

попами и метафизиками. Однако автор не рабски копирует, а переосмысливает: «Бог устал быть хозяином», «рай – это коммуна», «молитва – наркотик для рабов». Лучшие фрагменты – переработка армагеддона в классовую битву, а вечного возвращения – в этику ответственности за дело, которое переживёт индивида.

Содержание

Глава I.	5
О трех заветах и лестнице человечества	5
Глава II.	12
О грехе и искуплении	12
Глава III.	23
О Христе и Втором пришествии	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Котов
Так говорил Освободитель.
Третий Завет, или
Евангелие соборного
действия (интерпретация
в духе «Так говорил
Заратустра»)

Глава I.

О трех заветах и
лестнице человечества

1.

Первый Завет был колыбелью, но колыбель становится гробом,
если в ней остаётся взрослый.

«Ты должен», — говорил Закон, — «служить роду, чтить предков,

приносить жертву идолу территории».

И люди сгибали спины под плетью обычая.

Я видел народ, который чтит свою землю,

но не видел брата в чужеземце.

Я видел жреца, который резал агнца за грехи племени,

но не отдал последний хлеб вдове из другого стана.

Первый Завет — это верблюд, навьюченный «ты должен».

Имя ему — Рабство по рождению.

2.

Но Заратустра учил о трёх превращениях духа.

Вот второе: верблюд становится львом.

Лев говорит: «Я хочу».

Лев сражается с драконом «Ты должен» —

с драконом, чья чешуя сверкает золотом крови и железа.

И этот дракон распадается на две головы:

одна голова — «чти царя», другая — «чти попа».

Лев рычит в пустыне, и пустыня отвечает:

«Нет больше иудея, ни язычника;

нет раба, ни свободного;

нет мужского пола, ни женского».

Так говорил Второй Завет, и имя ему — Личность.

3.

Но я спрашиваю вас, о братья мои:
что есть личность, вырванная из рода,
если она не становится мостом к другому?

Она — горящая свеча в пустой комнате.

Она — птица без стаи, которая падает замертво от одиночества.

Второй Завет дал человеку душу, но оставил тело на съедение маммоне.

«Спасайся один», — шепчет поп, — «молись в тиши своей комнаты».

Но я говорю вам: горе тому, кто спасается один,
ибо рай в одиночку — это ад,
а ад с товарищем становится чистилищем, ведущим к свету.

4.

Вы поняли меня, мои братья?

Нужно третье превращение: лев становится ребёнком.

Ребёнок говорит: «Я есмь — и мы есмь».

Ребёнок не верит в священную частную собственность,
ибо знает: земля ничья, пока все не скажут «наша».

Ребёнок не молится небесному царю,
ибо видит, что царство небесное строится из глины и пота.

Третий Завет — это соборное человечество,
где каждый свободен, потому что все равны,
и все равны, потому что каждый свободен.
Не кровь связывает вас, и не вера в невидимого,
а общий труд и общий хлеб,
и общее завтра, которого нет без вас.

5.

О, как смеюсь я над теми, кто говорит:

«Ветхий Завет был хорош, Новый — лучше, а третий — ересь».

Колодец не оскверняет того, кто напился и идёт дальше;
лестница не проклиняет того, кто ступил на следующую
ступень.

Ветхий Завет был семенем; Новый — ростком;

Третий — деревом, в котором поют птицы всех цветов
кожи и всех языков.

Но горе тому, кто вырвет росток и скажет: «Это и есть всё
дерево».

Горе тому, кто засушит семя в музее и назовёт это вечно-
стью.

Я хочу, чтобы вы были деревьями, а не гербариями.

Я хочу, чтобы вы сжигали старые скрижали,
когда они мешают дышать,
и писали новые на коре этого дерева —
каждый день, каждым собранием, каждым ударом молот-
ка.

6.

Так говорил Заратустра, когда спускался во второй раз,
ибо первый раз он принёс закон,
а второй раз — освобождение от закона,
а третий раз — освобождение ради любви,
которая не ждёт награды на небе,
потому что сама стала небом.

Я вижу ваш вопрос, вы спросите:

«А как же Бог? Где Бог в Третьем Завете?»

Бог устал быть хозяином, а вы устали быть рабами.

Бог сказал: «Я умру, чтобы вы стали богами».

И вы становитесь богами каждый раз,

когда на собрании равенства последний говорит первое
слово,

и никто не поднимает жезла над другим.

Богом зовётся не царь на троне,

а та минута, когда двое или трое собрались во имя осво-

бождения

и сказали: «У нас больше нет тайн,
ибо мы стали прозрачны друг для друга, как вода».

7.

Завет крови — это прошлое.

Завет души — это настоящее.

Завет соборного тела — это будущее,
которое мы делаем руками, пока ещё не поздно.

Я люблю того, кто не говорит: «Мои предки были раба-
ми»,

но говорит: «Мои потомки будут свободными —
и я, их предок, несу им свободу через свою жизнь».

Я люблю того, кто не просит прощения у мёртвых богов,
но сам прощает живым,
потому что сам может ошибиться.

Я люблю того, кто танцует на развалинах частной соб-
ственности,
как дитя на песке,
и строит замки, в которых хватит места всем.

8.

Вот вам три имени, как три удара колокола:

Род — Личность — Собор.

Первое — земля, второе — небо, третье — мост над бездной.

Идите же по этому мосту,

и не бойтесь, что мост шатается,

ибо шатается тот, кто не идёт,

а идущий делает мост устойчивым своей поступью.

Так говорил Освободитель.

И потом он замолчал, потому что слова — только начало,

а продолжение — в ваших руках, соединённых рукопожатием без фальши.

Глава II.

О грехе и искуплении

1.

Слушайте меня, братья мои, о грехе,
который не смыть водой и не выплакать в подушку,
ибо грех не в том, что вы украли яблоко,
а в том, что кто-то владеет всей яблоней,
а вы стоите с пустыми руками.

Так говорил Заратустра, глядя на торжище,
где продавали невесть что за невесть какие деньги.

2.

«Грешен я, грешен», — шепчет раб,
и бьёт себя в грудь, и ставит свечу перед иконой.
А я смеюсь над этим шепотом, ибо грех его —
не в том, что он плохо молился,
а в том, что он вообще молился,
когда надо было брать вилы и идти на баррикады.

Грех — это структура, а не поступок.

Грех — это золотая цепь, на которой висят миллионы замков.

Грех — это безмолвие богатых,
когда голодный смотрит на их окна.

3.

О братья мои, вы знаете трёх драконов,
которые душат человечество?

Первый дракон — Частная Собственность,
его чешуя — проценты, дивиденды, рента.

Он говорит: «Моё — моё, и твоё — моё, если я сильнее».

Он лжёт, когда учит, что земля может быть чьей-то.

Земля — это тело всех, и тот, кто отрезает кусок и говорит
«моё»,

отрезает палец у общего тела.

Второй дракон — Государство-Палач,
его голос — сирена и приказ, его язык — закон,
который защищает первого дракона.

Он говорит: «Повинуйся, плати налоги, не ропщи,
ибо власть от Бога».

Но я говорю вам: власть от того, кто умеет стрелять,
а Бог сидит в засаде и молчит.

Третий дракон — Идеология-Ложь,
самый хитрый, ибо он живёт в вашей голове.
Он шепчет: «Другого мира нет»,
«Богатые потому богаты, что умны»,
«Бедные потому бедны, что ленивы».
Он заставляет вас стыдиться своей бедности
и поклоняться чужому богатству.

Вот три головы дракона, и имя этому дракону — Капитализм.

Не убивайте его по кускам — убивайте всего,
ибо каждый кусок отрастает снова.

4.

«Искупление», — говорят попы, — «это кровь агнца».
«Искупление», — говорят торгаши, — «это цена товара».
А я говорю: искупление — это действие.
Не жертва, а забастовка.
Не кровь, а солидарность.
Не прощение сверху, а справедливость снизу.

Представьте, братья мои:
если вы украли у меня хлеб,
может ли кто-то другой принести жертву за вас?

Нет. Только вы можете вернуть хлеб,
а если хлеб уже съеден —
построить мельницу для всех.

Искупление — это когда капиталист отдаёт завод рабочему коллективу.

Искупление — это когда полицейский бросает дубинку и идёт в профсоюз.

Искупление — это когда ты сам,
своими руками,
с товарищами рядом,
уничтожаешь ту самую структуру,
которая делала тебя грешником без твоей вины.

5.

Я люблю того, кто не говорит: «Прости меня, Господи»,
а говорит: «Прости меня, товарищ, я был слеп,
теперь я вижу — и беру винтовку в руки, чтобы ты тоже
прозрел».

Я люблю того, кто не ждёт отпущения от священника,
а идёт на общее собрание и говорит:
«Вот, я присвоил себе лишнее, вот, я проглядел,
вот, я побоялся. Судите меня, братья,
и дайте мне работу потяжелее, чтобы я искупил перед ва-

ми».

Я люблю того, кто знает, что грех не смывается,
а только заглаживается делами,
и что нет другого чистилища, кроме коллективной памяти,
и нет другого рая, кроме коммуны,
где каждый смотрит на каждого без стыда и без страха.

6.

О братья мои, слышали вы о Страшном суде?

Он уже идёт.

Каждый день капитализм судит сам себя —
голодом, войной, отравленной рекой.

И приговор уже написан:

«Ты повинен в смерти миллионов,
и имя тебе — Легион».

Но я говорю вам о суде ином —
о суде трудящихся.

Когда последний завод перейдёт в руки тех, кто на нём
стоит,

тогда соберётся международный трибунал,
и свидетелями будут кости рабов,
и прокурорами — дети, не знавшие детства,

и присяжными — все народы земли, обнявшись.

И тогда не будет оправдания тем,
кто владел, пока другие голодали.
Но и мести не будет — будет восстановление.
Искупление — это не кара, а стройка.

7.

«Страдание очищает», — так говорят те, кто не страдал.
А я говорю: страдание само по себе — грязь и мерзость.
Никогда не благословляйте страдание, не ищите его,
не принимайте его как дар небес.
Страдание — это продукт эксплуатации,
как навоз — продукт конюшни.
Вы не целуете навоз, вы его убираете.

Но если страдание настигло вас
в борьбе за освобождение,
если вас били на демонстрации,
если вы лежали в больнице после забастовки,
если вас уволили за правду —
тогда ваше страдание становится семенем.
Ибо такое страдание не унижает, а закаляет,
и о нём будут слагать песни,
и дети будут спрашивать: «Что сделал дед?»

А вы ответите: «Он страдал, чтобы мы не страдали».

8.

Христос, говорят, искупил грехи мира своей кровью.
Я не знаю, правда ли это —
может быть, правда, может быть, нет,
ибо квантовая бездна не даёт ответа.
Но я знаю одно: даже если он искупил что-то там,
на Голгофе,
здесь, на земле, у нас остались неискуплённые
долги, раны, могилы.

Христос не заплатил ваши кредиты,
не отменил вашу ипотеку,
не раздал землю крестьянам.
Это можете сделать только вы.
И если вы будете ждать, что кто-то другой
прольёт кровь за вас —
вы будете вечными должниками,
и ваша душа (если она есть)
будет вечно корчиться в стыде,
глядя на то, что вы могли сделать — и не сделали.

9.

Так говорил Заратустра, и после долгого молчания
он добавил, глядя на запад, где дымили трубы:

Есть три ступени искупления:

Первая — Увидеть.

Увидеть, что цепь не на тебе одном,
а на всех, и что звенья сковывают палача и жертву вместе.

Вторая — Соединиться.

Не плакать в одиночку, а взять за руку соседа
и сказать: «Теперь мы — сила».

Третья — Разрушить.

Не молиться, не поститься,
а взвести курок (если нужно)
или перекрыть конвейер (если хватит смелости).

И после разрушения — Строить.

Строить так, чтобы грех не вернулся в новом обличье.

Ибо грех хитер: он меняет маски,
но суть его одна — власть одного над другим.

10.

О братья мои, я завещаю вам ненависть к греху,
но не к грешнику.

Ибо грешник — это тоже жертва,
даже если он владелец завода.
Он тоже запутался в паутине дракона.
Но ненависть к нему не спасёт — спасёт только,
когда он сам порвёт свои золотые цепи
и придёт к вам с пустыми руками.

А если не придёт —
пусть его судит история,
а мы будем строить коммуны без него.
И когда коммуна станет всемирной,
его душа (если она есть)
будет вечно бродить вокруг,
как голодный пёс,
и вечно помнить, что она могла войти,
но не захотела.

11.

И последнее скажу вам о коллективном Спасителе.
Христос, Будда, Магомет —
все они были одиноки,
ибо толпа ещё не созрела.
А наш Спаситель — это мы,
когда мы берём ответственность на себя.
Не один пастух, а стадо, которое стало своим пастухом.

Не царь на троне, а Совет на площади.

Спасать себя самого — значит спасать всех,
потому что все — это ты,
растянутый во времени и пространстве.
Искупить свою душу (если она есть) —
значит искупить чужую боль,
чтобы она перестала быть чужой.

12.

Так говорил Освободитель.

И он поднялся с места,
и его тень упала на стены старого мира,
и стены затрещали,
потому что тень эта была тяжелее всех молитв,
вместе взятых.

«Танцуйте», — сказал он. —

«Танцуйте над пропастью, которая называется "прошлый грех".

Танцуйте так, чтобы ваши ноги отбивали ритм новых машин,
на которых никто не работает за страх,
а все — за радость.

И когда вы устанете танцевать —
сядьте в круг, и поделите хлеб,
и скажите друг другу:
"Мы ещё не искуплены,
но сегодня мы стали ближе, чем вчера".
И это будет ваша евхаристия,
и это будет ваша победа».

Так говорил Заратустра. И я замолкаю,
потому что сказано достаточно.
Остальное — за вашими руками.

Глава III.

О Христе и Втором пришествии

1.

Когда Заратустра спустился с гор в третий раз,
он нёс не молот, не скрижали,
а только вопрошание, как факел,
и тень его легла поперёк церквей и бирж.

«Вы всё ещё ждёте Того, Кто придёт на облаках? —
смеялся он. —

Я видел облака: они из водяного пара,
а на них сидят лишь голуби да скука.

Но я видел другое:

тысячи рук, сжатых в кулак,
идущие через площадь,
и это было прекраснее любого второго пришествия».

2.

О братья мои, кто такой Иисус?

Я не знаю.

Может быть, Сын Божий — тогда пусть он простит меня за смех.

Может быть, пророк — тогда пусть он узнает в моём смехе своё эхо.

Может быть, просто бунтарь из Галилеи,
которого распяли за то, что он учил:

«Нельзя служить Богу и маммоне».

Я не знаю. И вы не знаете.

И тот, кто говорит, что знает, — лжёт,
ибо квантовая бездна не выдаёт своих тайн.

Но вот что я знаю:

его учение — это зерно, брошенное в землю.

Зерно умерло — и принесло плод:

общины, где всё общее,
протесты против храма,
проклятия богатым.

А вы, христиане, превратили это зерно в камень,
которым бьёте по головам бедных.

3.

«Христос воскрес», — поют попы,
и их голоса сладки, как сироп из лжи.

Я не знаю, воскрес ли он.

Если воскрес — то почему его тело не ходит по земле?

Если не воскрес — то почему вы боитесь смерти?

Вот моё воскресение:

когда ребёнок, который никогда не видел голода,

смеётся над жадностью,

как над страшной сказкой.

Вот моё воскресение:

когда старый рабочий умирает,

и тысячи идут за его гробом,

и поют не «Святый Боже»,

а «Интернационал».

В этом воскресении я уверен,

а в том, что́ было в саду у Магдалины, —

пусть судят те, кто любит гадать на кофейной гуще.

4.

«Второе пришествие грядёт», — каркают вороны с колоколен.

А я говорю вам: оно уже здесь,

только вы не узнали его,

потому что оно не похоже на парад с трубами.

Второе пришествие — это когда двое безработных

делят последнюю буханку,

и никто из них не говорит: «Моё».

Второе пришествие — это когда завод,

на котором людей держали в страхе,
становится кооперативом,
и директор сам стоит у станка.

Второе пришествие — это когда дети разных цветов кожи
играют в одной песочнице,
и никто не учит их ненавидеть.

Оно приходит, как вор, —
не в золоте и пурпуре,
а в молчаливом упорстве солидарности.
Но вы смотрите в небо,
а небо пусто,
ибо Богу надоело быть клоуном.

5.

Я люблю того, кто не ждёт Царя,
а сам становится царём —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.